Серия «История»
2025. Т. 52. С. 35–43
Онлайн-доступ к журналу:
http://izvestiahist.isu.ru/ru

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94.510+94.519+94.520+392
https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.35

Взаимовосприятие народов Восточной Азии в III–VII вв. (по материалам японских, китайских и корейских исторических хроник)

М. С. Мищенкова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Отмечается, что при формировании международных контактов постепенно начинает складываться представление о жизни других народов, сходство и различие культур. Подчеркивается, что в Восточной Азии в период становления первых государств на Корейском полуострове и Японских островах (III–VII вв.) процессы взаимодействия и взаимовосприятия переходят в стадию активного развития. Анализируются древние восточноазиатские хроники (китайские, корейские и японские), что позволяет увидеть, как народы Восточной Азии воспринимали друг друга. Оцениваются уровень развития политической культуры, особенности повседневной жизни и другие аспекты.

Ключевые слова: Восточная Азия, Ямато, Пэкче, Силла, Когурё, династия Суй, династия Тан, взаимовосприятие.

Для цитирования: Мищенкова М. С. Взаимовосприятие народов Восточной Азии в III–VII вв. (по материалам японских, китайских и корейских исторических хроник) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 52. С. 35–43. https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.35

Original article

Mutual Perception of the peoples of East Asia in the 3rd–7th Centuries (Based on Materials from Japanese, Chinese and Korean Historical Chronicles)

M. S. Mishchenkova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. When international contacts are formed, an idea of the life of other peoples, the similarities and differences of cultures gradually begins to form. In East Asia, during the formation of the first states on the Korean Peninsula and the Japanese Islands (3rd–7th centuries), the processes of interaction and mutual perception enter the stage of active development. The analysis of ancient East Asian chronicles (Chinese, Korean and Japanese) conducted within the framework of this article allows us to see how the peoples of East Asia perceived each other, assessing the level of development of political culture, features of everyday life and other aspects.

© Мищенкова М. С., 2025

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For coplete information about the author, see the last page of the article.

Keywords: East Asia, Yamato, Baekje, Silla, Goguryeo, Sui Dynasty, Tang Dynasty, mutual perception.

For citation: Mishchenkova M.S. Mutual Perception of the Peoples of East Asia in the 3rd–7th Centuries (Based on Materials from Japanese, Chinese and Korean Historical Chronicles). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History,* 2025, vol. 52, pp. 35-43. https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.35 (in Russian)

В III–VII вв. н. э. в Восточной Азии происходят активные процессы взаимодействия молодых государств и протогосударственных образований Корейского полуострова и Японских островов с древней, гораздо более развитой Китайской империей. Сведения о первых контактах восточноазиатских народов нашли свое отражение в исторических источниках той эпохи – китайских, корейских и японских летописях и династийных хрониках. Основной проблемой, рассматриваемой в данной статье, являются особенности формирования и развития взаимовосприятия этих народов, тех образов, которые они создавали для своих соседей в своих первых исторических сочинениях.

В первую очередь стоит обратить внимание на специфику исследуемых источников: время их составления, точность хронологии, основную цель. Японские письменные источники по рассматриваемому периоду немногочисленны и сложны в интерпретации. При написании истории своих государств летописцы вовсе не преследовали цели отразить исторический процесс таким, каким он был на самом деле. В основном это было средство легитимизации власти в попытках предотвращения центробежных тенденций и смены династий [6, с. 42]. В связи с этим одни события освещались подробно (как правило, успешные для правящего рода), а другие могли и вовсе не упоминаться (неудачные военные походы, потеря территорий, необходимость выплачивать дань соседним государствам и т. д.). Именно поэтому, анализируя источники по одному историческому периоду, можно столкнуться с большим количеством нестыковок и неточностей.

Как правило, при изучении древней истории Японии исследователи обращаются к двум летописным сборникам – «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихон сёки» («Анналы Японии») [4; 5]. Созданные в первой четверти VIII в., «Кодзики» и «Нихон сёки» охватывают значительный период от возникновения древнего японского государства – Ямато – до конца VII в. Основной проблемой применения данных хроник для изучения внешнеполитических связей Ямато в III–VII вв. является проблема хронологии. Так как до V в. на Японском архипелаге не было письменности, истории передавались из уст в уста многие поколения, приобретая множество никогда не существовавших в реальности подробностей. Кроме того, составители «Кодзики» и «Нихон сёки» находились под влиянием китайской традиции составления хроник, и из чувства гордости за свою страну им хотелось приукрасить ее историю. В Китае при написании династийных хроник тоже не скупились на преувеличения. В рамках данной работы из японских источников будет использован только «Нихон сёки», что обусловлено спецификой содержания «Кодзики» (в этом источнике информация о внешних связях Ямато отражена гораздо в меньшей степени, чем в «Нихон сёки»).

Важной группой исторических источников, посвященных взаимодействию народов Восточной Азии, являются и корейские хроники – «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») [2; 3] и «Самгук юса» («Хроники трех королевств»). «Самгук саги» – старейшая летопись в истории Кореи – была составлена придворным историком Ким Бусиком в середине XII в. Особенностями данных источников является то, что в них описываются не только взаимодействие с Японскими островами и Китайской империей, но и отношения внутри Корейского полуострова между государствами Пэкче, Силла и Когурё.

Китайские источники также дают исследователю множество интересных подробностей о взаимодействии и взаимовосприятии народов Восточной Азии в Средние века. Немногочисленные записи в династийных хрониках (например, «Суй шу») содержат краткие сведения о странах с далекой периферии, которые пытались найти свое место под солнцем, направляя ко двору китайских императоров своих посланников. Стоит отметить, что в китайских хрониках, в отличие от японских и корейских, есть специальные разделы с описанием соседних земель и государств, в то время как «Нихон сёки» и «Самгук саги» содержат только повествование о событиях, происходивших в Восточной Азии. Интересных с точки зрения историка и этнографа записей в японских и корейских источниках значительно меньше, чем в китайских.

Критическое отношение к китайским династийным хроникам как к историческому источнику продиктовано тем, что Китай считал себя (возможно, небезосновательно) самым древним и могущественным государством региона. Японцы были для китайских правителей «восточными иноземцами» – людьми с довольно примитивной культурой и слабо развитой государственной структурой. Данные китайских письменных источников о контактах с Ямато и корейскими государствами не только скудны, но и зачастую фрагментарны.

Первые упоминания о Японии просматриваются уже в повествовании о восточных иноземцах «Хоухань шу» (хроника поздней Хань, 25–200 гг. н. э.). На тот момент империя Хань уже имела некие сношения с «владениями», находящимися на Японских островах (судя по источнику, их было около 100, из которых 30 через переводчиков общались с Китаем); согласно хронологии источника, первые контакты происходили еще до нашей эры, т. е. до начала процесса образования единого японского государства. При этом есть упоминание того, что главный японский государь живет в княжестве Сематай (относительно того, где находилось это княжество, в японской академической среде существует несколько теорий) [1, с. 34].

Наличие социальной дифференциации уже к III в. н. э. у восточных соседей китайские хронисты отмечают, например, по особенностям татуировок – по размеру черт можно отличить человека знатного происхождения. Хроника содержит также множество характеристик и особенностей народонаселения Японских островов: например, приседание на корточки являлось проявлением учтивости. Жители японских владений, по мнению китайской стороны, имеют склонность к пьянству, однако при этом они достаточно

спокойные – имеют мало споров и тяжб, женщины их не ревнивы и не похотливы, не распространено воровство. В хронике также описываются похоронные обряды, которые включают в себя песни и пляски без вина и пищи. Называются различные суеверия – подобие «поста» для мужчины перед выходом в море, ворожба и гадания по сжигаемым костям [1, с. 34–35].

В хрониках южных дворов (например, «Нань ши») упомянута распространенная на Японских островах в III–VII вв. н. э. курганная культура Кофун, по которой назван этот период в истории Японии. В этой связи в хронике сказано, что покойников японцы помещают в гробы, а над могилами делают земляные насыпи (курганы). В «Нань ши» есть также указание, что японцы «не знают начала года», т. е. начало года у них не определено законом, календарные системы не развиты [Там же, с. 47]. Данное обстоятельство важно для понимания проблем с хронологией в поздних японских письменных источниках. В данном источнике также упоминаются титулы, которые правитель Японии просил утвердить китайской стороной; согласно источнику, правитель Японских островов был достаточно образован и гибок в общении с китайскими властями, в связи с чем ему были пожалованы титулы «великий полководец, успокаивающий Восток» и «японский государь» [Там же, с. 49]. Это важный момент в изменении восприятия Китаем своего восточного соседа: Ямато начинает восприниматься как государство, играющее определенную роль в системе международных отношений в Восточной Азии, активно взаимодействуя с государствами Корейского полуострова и императорским двором Китая.

Отношение летописцев Китайской империи к «восточным иноземцам», как они назывались в китайских хрониках, действительно со временем становилось менее пренебрежительным; с другой стороны, очень многие аспекты японской жизни, упомянутые в ранних династийных хрониках, раз за разом повторяются в более поздних редакциях и в документах новых династий. Во времена правления династии Суй (581–618) Ямато рассматривается как государство, с которым отношения поддерживались еще со времен царствования династии Вэй, когда на Японских островах, по данным хроники, было около тридцати правителей, и все они звались ванами. Государственное устройство по части организации бюрократического аппарата сравнивается с китайскими образцами (например, про наличие 120 гюньни в хронике указано, что это «то же, что министры в Срединном государстве») [Там же, с. 95].

Очень любопытны отдельные моменты из главы 81 «Суй шу», известной российскому читателю по «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Достаточно подробно описан быт и внешний вид японцев: фуфайка и запона, лакированные, привязывающиеся к ногам сандалии – для знатных японцев (так как есть прямое указание, что простолюдины ходят босыми – свидетельство наличия социальной дифференциации в Ямато). Внимание читателей хроники также заостряется на том, что большая часть мужчин и женщин наносят татуировки себе на плечи, лицо и тело (при этом тут нет упоминания о различии татуировок в зависимости от социального положения, как это заметно в «Хоухань шу») [Там же, с. 35, 95].

Очень подробно в китайских хрониках описаны особенности военного дела в Ямато; при этом китайские летописцы указывают, что «хотя есть оружие, но нет войны». Японцы предстают в хронике «Суй шу» людьми очень кроткими, у которых редко возникают между собой споры и тяжбы. Такая характеристика, как «просты, прямодушны, приятны в обращении», свидетельствует о том, что в целом к моменту начала правления династии Суй в Китае формируется вполне положительная оценка соседнего народа. При этом многие особенности жизни Ямато явно говорят о превосходстве развития Китая; например, японцы не пользуются посудой, предпочитая расстилать древесные листья, а вместо столовых приборов берут еду прямо руками [1, с. 94–95]. Это несколько разнится с предыдущими известными записями, согласно которым посуда у японцев была [Там же, с. 36].

Так или иначе, быт и культуру японцев китайские хронисты сравнивают с Поднебесной; например, есть сведения о сходстве праздников в Ямато с китайскими. Кроме того, уже во времена династии Суй, согласно династийной хронике, в Японии был широко распространен буддизм, а введение письменности напрямую связано с распространением буддийских священных книг. Ямато в принципе начинает играть в регионе важную роль, что видно по следующим строкам: «Синьло (Силла) и Бо-цзи (Маньчжурия) считают Японию великим государством, имеющим много драгоценностей; и потому очень уважают и постоянно имеют сношение через посольства» [Там же, с. 94–97].

Корейские государства в хрониках Китая рассматриваются даже менее подробно, чем Ямато. Например, в «Суй шу» про Синьло (Силла) летописцы указывают, что корейская письменность и организация войска одинаковы с китайскими. В Новый год корейцы поздравляют друг друга с праздником, в этот же день проводятся ритуалы поклонения духам солнца и луны. Одежды жителей Силла в основном темного цвета. Женщины заплетают волосы в косу и обвивают вокруг головы, украшая их лентами и жемчугом. Брачные обряды состоят только в приносе вина и пищи, а количество того и другого зависит от достатка. Умерших помещают в гроб, погребают и делают насыпь над могилой (здесь описание сходно с Ямато – на Корейском полуострове также была распространена курганная культура) [Там же, с. 92].

Японские исторические источники по сравнению с китайскими гораздо менее подробно описывают окружающий мир именно в формате этнографических наблюдений или изучения повседневной жизни других народов. Внимание в «Нихон сёки» сосредоточено на конкретных моментах взаимодействия с государствами Корейского полуострова и династиями Китая. В восприятии последнего особенно показательным является XXII свиток, в котором повествуется о деяниях императрицы Суйко: через посланников китайского императора (на тот момент уже правит династия Тан) она обращается к правителю Поднебесной, и это обращение в источнике описывается как почтительное, показательно возвышающее последнего. Правительница Японии называет императора Тан «тем, которого страшатся», «почтительно обращаясь» к нему, а о делах у себя в стране она «почтительно докладывает»

[5, с. 101]. Таким образом, заметно, что даже в условиях достаточно развитого государства, осуществляющего активную внешнюю политику на материке, императрица Суйко воспринимает императора Китая и саму империю Тан как стоящих выше в иерархии – тех, кого стоит опасаться, уважать, и с кем нужно поддерживать хорошие отношения.

В данном свитке Китай называется «великой страной Тан», послы из которой были радушно приняты Суйко при дворе: их встречали 75 наряженных лошадей, в честь них устроили пиршество, а гости, в свою очередь, преподнесли японской императрице ценные дары [Там же, с. 100]. Китай воспринимается японцами как центр культуры: образования, философии, искусств. Во времена правления Суйко в танский Китай на учебу отправляли жителей Ямато, которые, согласно источнику, успешно овладевали там знаниями в области медицины и религии. В целом Китай здесь описывается как богатая страна с действующим законодательством, с которой следует непременно поддерживать постоянные связи [Там же, с. 109]. В XXIII свитке, посвященном правлению императора Дзёмэй, также упоминается обучение в Китае, при этом студенты, вернувшиеся после учебы в Ямато, получили повышение в ранге на одну ступень [Там же, с. 123].

В XXV свитке «Нихон сёки» упоминается, что посланник из Силла прибыл в танской одежде. Что интересно, сам факт ношения китайской одежды для японцев означал, что Силла находится в зависимости от империи Тан – и с этого момента действительно заметно сближение Силла и Китая [Там же, с. 169], что отмечается и в корейских хрониках. Здесь же не единожды упоминается обмен посольствами с империей Тан, причем японский император особо отмечал и хвалил своих послов за встречу с правителем Китая и привезенные от него дары – книги и сокровища [Там же, с. 172].

Корейская хроника «Самгук саги» в плане информативности по проблеме восприятия соседних государств больше сходна с «Нихон сёки», нежели с китайскими хрониками. Описания чужих земель в корейских летописях не встретить, формат здесь более чем соответствует классической хронике – последовательное изложение событий. Между тем о характере взаимоотношений судить можно; например, в летописях Силла с VII в. значительная доля описаний связана со взаимодействием с танским двором. Как и японские, корейские правители подтверждали легитимность своей власти у императоров Китая; последние по просьбе ванов Силла издавали указы о возведении вана в сан «столпа государства (чжуго), князя Лоланского округа, вана Силла». Танского императора обязательно именовали в тексте как «великого», Китай – «великой империей», свое же государство в посланиях к китайскому императору силласцы называют «нижайщим», чтобы подчеркнуть свою покорность и превосходство Китая. Ко двору императора Тан постоянно направлялись посольства и подарки, а сыновей знатных семей направляли на учебу в Поднебесную [2, с. 155–160].

Другие государства Корейского полуострова – Пэкче и Когурё – настороженно относились к сближению Силла и танского Китая, и это было не напрасно, так как именно у Китая впоследствии силласцы просят военной

помощи в противостоянии своим соседям. Благодаря помощи Танов Силла удалось противостоять Пэкче, и после поражения последних в 650 г. для китайского императора была выткана на шелке ода, которая замечательно иллюстрирует отношение силласцев к танскому Китаю:

С тех пор как открыли правленье великие Таны,
Высоко-высоко [вознеслась] императоров мудрость и слава.
Отставив мечи, успокоились воины,
Отдаваясь наукам вокруг своих [мудрых] монархов.
С небесами согласье, и желанные льются дожди,
От [разумного] дела веденья – отовсюду исходит сиянье <…>
На троне государевом – лишь человек таланта, преданный добру!
В едино слившись, добродетели пяти и трех монархов [древних]
Сверкают в нашем императоре из дома Тан [2, с. 170].

Впрочем, союз этот был ненадежным в том числе в связи с явным преобладанием военных сил у Китая. Ближе к 670-м гг. в летописях Силла появляется интересная запись о слухах, согласно которым Китай ведет подготовку флота под предлогом организации похода в Японию, а в действительности имеет намерение ударить по Силла. Хронисты отмечают, что «народ, который слышит об этом, охвачен тревожным беспокойством» [Там же, с. 191].

С Японскими островами государства Корейского полуострова также активно взаимодействовали, зачастую также в поисках поддержки в военных делах. В летописях Силла в 60-е гг. VII в. есть интересное упоминание о Японии: «Государство Вэ изменило название на Нихон (Японию). Сами [японцы] говорили, что назвали так потому, что их государство близко к тому месту, где восходит солнце» [Там же, с. 180]. Силла послов Ямато не признает, даже есть упоминание о том, что «посол Японского государства вел себя гордо и бесцеремонно», потому не был принят ваном [Там же, с. 226].

Будучи союзником Пэкче, Ямато не могло восприниматься Силла иначе; впрочем, никаких иных описаний или оценок Японии в хрониках не встречается. В «Нихон сёки» (IX свиток) вообще есть описание завоевательного похода японской императрицы Дзингу на Силла; согласно источнику, ван Силла испугался и быстро сдался под натиском японской армии, после чего обещал Дзингу, что отныне и впредь будет служить ей так долго, как долго существуют Небо и Земля, станет ее конюшим и каждый год будет доставлять в Ямато дань в виде мужчин и женщин Силла.

Еще более занимательно, что в японской хронике следом идет полное подчинение Корейского полуострова: «Ваны Когурё и Пэкче, услышав, что ван Силла поднес все карты и посемейные регистры Японии, стали тайком разузнавать, какое у государыни войско, поняли, что на победу надежды нет, и по собственному почину пришли к лагерю государыни и стали биться головой [об землю], говоря: “Отныне и впредь пусть нас вечно именуют западными соседями; мы никогда не перестанем приносить [Японии] дань”. Потому эти страны решено было считать [японскими] владениями миякэ» [4, с. 269–270]. Таким образом, три корейских государства в японских источниках предстают читателю как слабые и трусливые, поклявшиеся в верности

данники. В корейских хрониках подобные события не описаны, тем более там нет упоминаний о том, что корейские территории переходили под контроль Ямато.

Пэкче с Японией взаимодействует куда плотнее; происходят постоянные обмены посольствами. В 653 г., согласно корейской летописи, «ван установил дружественные отношения с государством Вэ» [3, с. 185]. На самом деле японские хроники, как упоминалось ранее, относят начало отношений с Корейским полуостровом к гораздо более раннему времени – еще при Дзингу три корейских государства стали данниками Ямато, и отношения с Пэкче развивались в том же русле – в IX свитке есть отдельный раздел об отношениях с Пэкче, в котором сказано: «Ван Пэкче прослышал, что в восточной стороне находится великая страна Ямато, и послал нас, своих недостойных рабов, в эту страну» [4, с. 278]. Корейские государства для Ямато никогда не обладали авторитетом; японцы в принципе не воспринимали корейцев как политическую силу, с которой нужно считаться. Отношение корейских государств к Японии, согласно их национальным хроникам, было аналогичным – в принципе Ямато (или Вэ) не было той силой, которая могла бы серьезно повлиять на развитие ситуации на Корейском полуострове.

Подводя итоги, стоит отметить, что китайские хроники содержат значительное количество сведений о культуре и быте окружающих Поднебесную народов, в то время как хроники корейские и японские дают не так много информации о взаимовосприятии соседних народов. Это объяснимо с той точки зрения, что Китай – гораздо более древняя и, следовательно, развитая цивилизация, где историческая наука существовала и развивалась еще до нашей эры, следовательно, и сам подход к хроникам был более тщательным. Именно это позволяет исследователям получить очень яркий этнографический материал об особенностях жизни государств Восточной Азии, традициях, быте.

Постепенно нарастающие контакты между государствами в Восточной Азии в III–VII вв. располагали к формированию образа соседей в каждой стране. Несомненно, что Китай воспринимал соседние страны как находящиеся на более низкой ступени развития, а за мерило развитости летописцами брались китайские образцы (использование китайской письменности, распространение китайских религиозных и философских учений, схожесть системы государственного управления, организации войск и т. д.). В японских и корейских письменных источниках заметно уважение к Китайской империи, стремление сблизиться с императорским двором Китая, заслужить благосклонность императоров Поднебесной, в то время как друг с другом Ямато и три корейских государства находились в состоянии соперничества за внимание и благосклонность Китая.

Список литературы

1. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 334 с.

2. *Ким Бусик.* Самгук саги. В 3 т. Т. 1. Летописи Силла. М. : Вост. лит., 2001. 402 с.

3. *Ким Бусик.* Самгук саги. В 3 т. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М. : Вост. лит., 1995. 319 с.

4. Нихон сёки – Анналы Японии. В 2 т. Т. 1. Свитки I–XVI / пер. со старояпон. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб. : Гиперион, 1997. 496 с.

5. Нихон сёки – Анналы Японии. В 2 т. Т. 2. Свитки XVII–XXX / пер. со старояпон. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб. : Гиперион, 1997. 432 с.

6. *Sansom G.* A History of Japan: to 1334. Tokyo : Charles E. Tuttle Company, 1977. 500 p.

References

1. Bichurin N.Ya. Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950, 334 p. (in Russian)

2. Kim Busik. Samguk sagi. V 3 t. T. 1. Letopisi Silla [Samguk sagi. In 3 vols. Vol. 1. Annals of Silla]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, 402 p.

3. Kim Busik. Samguk sagi. V 3 t. T. 2. Letopisi Kogure. Letopisi Pehkche. Khronologicheskie tablitsy [Samguk sagi. In 3 vols. Vol. 2. Annals of Goguryeo. Annals of Baekje. Chronological tables]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 319 p.

4. Nikhon seki – Annaly Yaponii. V 2 t. T. 1. Svitki I–XVI [Nihon Shoki – Annals of Japan. In 2 vols. Vol. 1. Scrolls 1–16]. Transl. from old Japanese and commentary by L.M. Ermakova, A.N. Meshcheryakov. Saint Petersburg, Giperion Publ., 1997, 496 p.

5. Nikhon seki – Annaly Yaponii. V 2 t. T. 2. Svitki XVII–XXX [Nihon Shoki – Annals of Japan. In 2 vols. Vol. 2. Scrolls 17–30]. Transl. from old Japanese and commentary by L.M. Ermakova, A.N. Meshcheryakov. Saint Petersburg, Giperion Publ., 1997, 432 p.

6. Sansom G. A History of Japan: to 1334. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1977, 500 p.

Сведения об авторе

Мищенкова Мария Сергеевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: markuz97@mail.ru

Information about the author

Mishchenkova Maria Sergeevna
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor at the Department of World History
and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: markuz97@mail.ru

Статья поступила в редакцию **26.03.2025**; одобрена после рецензирования **10.04.2025**; принята к публикации **12.05.2025**
The article was submitted **March, 26, 2025**; approved after reviewing **April, 10, 2025**; accepted for publication **May, 12, 2025**